

Николай Сомин,

*кандидат физико-математических наук, преподаватель
факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета*

ПОНЯТЬ ЗЛАТОУСТА!

Трагедия великого святителя

В 2012 году исполнилось 1605 лет со дня смерти св. Иоанна Златоуста (27 сентября 407 года). Точнее — убийства. Ведь всё было сделано для того, чтобы конвоирование ссыльного Златоуста в более отдалённое место ссылки закончилось его смертью. Конвойным приказали не церемониться, и они гнали пожилого больного человека в дождь и непогоду, а когда припекало солнце, оставляли его лысую голову без шляпы... Многочисленные сторонники и почитатели великого святителя были смещены со своих кафедр и приходов, судимы, сосланы, а некоторые — убиты. Картина, напоминающая гонения на церковь в XX веке. Но это происходит не в безбожной Советской России, а в православной Византии, считавшей

себя средоточием всемирного христианства. Церковные историки обо всём этом упоминают как о частном эпизоде, как бы заполнившим временную лауну между двумя великими догматическими спорами — тринитарным и христологическим. Но представляется, что они проглядели одно из самых важных в истории церкви событий, решающим образом повлиявшего на христианское нравственное богословие.

Почему Златоуст низложен с константинопольской кафедры и физически уничтожен? Историки живописуют принципиальность Златоуста, его дерзновение обличать грехи самой императрицы Евдоксии. Пишут они и о тяжёлой неприязни к святителю интригана архиепископа Александрийского Феофила, поста-

ХРАМ

вившего себе целью низложить «высочку» Златоуста. Всё это так. Но неужели всё дело в личных конфликтах, в человеческой ненависти к святому человеку? Ведь против Златоуста выступил целый «фронт», состоящий из нескольких «партий». Была партия императрицы, возмущённая обличениями Златоуста и его воззрениями на царство, которое он ставил ниже священства. Была церковная партия, недовольная тем, что святитель отставил её от кормушки и заставил подчиняться апостольским правилам нестяжания и чистой жизни. Но была и «олигархическая партия», т.е. группа крупных владельцев земли в Константинополе, затаившая злобу на святителя за то, что тот устроил на окраине столицы больницу для прокажённых, в результате чего цена на близлежащие участки земли стала падать. После низложения Златоуста больницу мгновенно ликвидировали [1]. И боролись эти партии не с одним Златоустом. И это была не разовая схватка, а тяжёлая борьба, которая велась около десяти лет. В результате была разгромлена богословская школа, возникшая благодаря проповед-

нической деятельности святителя. От этой школы, разделявшей имущественные взгляды Златоуста, остались лишь некоторые представители, непосредственно не втянутые в конфликт и далеко не полностью освоившие наследие великого святителя (Исидор Пелусиот, Иоанн Кассиан Римлянин, Феодорит Кирский).

Кроме того (и может быть, это самое главное), противоборство прошлось не только по церковным верхам. Дважды — по поводу первой и второй высылки Златоуста — народ Константинополя выходил на улицы. Причём масштабы этих выступлений впечатляющи. Поднимался практически весь город — такова была популярность святителя у простого народа. Всем были известны его обличения богатых:

«невозможно разбогатеть тому, кто не делает несправедливости [XI:703]¹,

«отвечай мне, можно ли сказать, что это богатство от Бога? Нет. Откуда же? От греха» [X:350],

«В отношении имущества невозможно быть одному богатым без того, чтобы наперед другой не сделался бедным» [X:419].

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Творения святого отца Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. тт. I-XII. С.-Пб.: Издание С-Петербургской Духовной Академии. 1984–1911. В квадратных скобках указаны номер тома и страницы.

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

«желание иметь средств к жизни больше, нежели сколько у ближнего, происходит не от иного чего, как от того, что любовь охладела» [XI:153].

«А каковы речи богатых? Свойственные свиньям, собакам, волкам и другим животным. Одни из них рассуждают о трапезе, о блюдах, о сладостях, о винах, о благовониях, об одеждах и всякого рода излишествах; другие — о процентах и закладах, о составлении заемных писем и уплате неисчетного множества долгов, получивших начало еще при отцах и дедах, об отнятии у одного — дома, у другого — поля, у иного — слуги и всего его имущества» [X:131].

О себе Златоуст говорил «мы бедные» [X:588], солидаризируясь со всеми неимущими, бедными и зарабатывающими на хлеб своим трудом. Поэтому неудивительно, что столько людей встало на защиту своего епископа. Особенно яростным было восстание горожан при известии о второй (окончательной) ссылке Златоуста. Тогда сгорел храм Софии. Власть обвинила

сторонников Златоуста, и казни не прекращались несколько лет. Но молва утверждала, что храм пожгла молния — явное свидетельство ярости Бога на гонителей Златоуста.

Так что назвать события, связанные с убийством святителя, гражданской войной, не будет большим преувеличением. Война закончилась поражением светлых сил. И хотя позже Златоуст был канонизирован, его имущественное учение так и не было актуализировано. В результате место имущественной христианской этики заняла «общепринятая» доктрина, предложенная еще в III веке Климентом Александрийским в его книге «Кто из богатых спасется?» [15]. О несвятоотеческом характере этой доктрины автором уже не раз говорилось, и чтобы не затягивать повествование, отошлем читателя к статьям [2]

Но на самом деле ситуация ещё печальнее. До сих пор имущественное учение великого святителя даже не понято должным образом. Попробуем разобраться в причинах этого.

Главное «противоречие» Златоуста

Первая причина в том, что собрать всё, что святитель говорил о богатстве, бедности, собственности и милостыне — далеко не простая задача. Творения святителя — в основном про-

поведи, сказанные прихожанам в храме, почти исключительно нравоучительного характера. Для Златоуста имущественная тема — тема номер один. А потому он множество раз обра-

ХРАМ

щается к ней, причём зачастую неожиданно, используя всякую возможность свернуть на любимую стезю нравственного анализа имущественной проблемы. Для исследователей такая манера — сущая беда, поскольку необходимо проштудировать все двенадцать двойных толстых томов сочинений святителя [I—XII]. Увы, до сих пор нет мало-мальски полного собрания высказываний святителя по имущественным вопросам.

Вторая причина куда проблематичнее: разбираться в нравственно-имущественной теории Златоуста мало кто хочет. Наше богословие в большинстве случаев стремится не выявить евангельскую и святоотеческую истину, а солидаризоваться с «традицией», т.е. с расхожими мнениями, которые победили в непростом историческом плавании нашей церкви. В применении к наследию Златоуста такой метод означает постоянные попытки утопить имущественную тему в общей массе мнений святителя по самым разным вопросам. А если уж речь заходит о воззрениях великого святителя на богатство и бедность, то его упорно пытаются представить апологетом «общепринятой» доктрины и сторонником частной собственности (чем Златоуст никогда не был). Для этого

просто вырываются из контекста златоустовских гомилий фразы, якобы подтверждающие его приверженность общепринятой доктрине, а таких фрагментов в огромном наследии святителя можно найти в достаточном количестве. Этой нехитрой методикой пользовались многие дореволюционные богословы [4,5,6] и пользуются современные авторы тонких брошюр «для народа» [7,8,9,10].

Но мазать чёрной краской всех богословов было бы неверно. Безусловно, среди них были такие, которые и потрудились над текстами Златоуста, и положили своей целью непредвзято выявить воззрения святителя. Именно на таких богословов мы будем в дальнейшем ссылаться.

И тут выявляется удивительное обстоятельство: исследователи отмечают «непоследовательность» Златоуста в одном из важнейших теоретических вопросов. Оказывается, святитель, считая, что любостяжание является губительной страстью человека, не раз заявлял, что губительным является и богатство само по себе.

И в самом деле, согласно Клименту Александрийскому для христианина спасителем не внешний отказ от богатства, а отвержение страсти любостяжания; не богатство должно владеть

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

человеком, а человек — богатством. Собственно, это основная мысль Климента, к которой в своей книге возвращается не раз. И кажется, что с ней Златоуст полностью согласен:

«Не богатство — зло, а любостыжание и сребролюбие» [II:33].

«Не о богатых упоминай мне, но о тех, которые раболепствовали богатству. Иов был богат, но не служил мамоне» [VII:243].

Часто повторяет Златоуст и мысль Климента, взятую последним у любимых им стоиков, что по отношению к морали есть вещи положительные, отрицательные и безразличные; богатство же как раз относится к последним:

«Ты на опыте видишь, что и богатство не есть добро, и бедность не есть зло, но что и то и другое сами по себе безразличны» [XI:587];

«лучше сказать, ни богатство, ни бедность не есть добро само по себе, но таковым бывает в зависимости от пользующихся» [XII:25].

Но есть и другой ряд высказываний святителя, где он обличает именно богатство и богатых:

«Оно (богатство. — Н.С.) душу делает гнусною, — а что бесчестнее этого?» [XI:415].

«Находящийся только во мраке при появлении солнца освобождается от тьмы; лишенный же зрения даже и при появлении солнца не видит. То же самое претерпевают и богатые. Даже и тогда, когда Солнце правды осиявает иставляет их, они не чувствуют, ибо богатство ослепило их очи» [VII:240].

«Подлинно, богатство делает (людей) безумными и бешеными. Если бы у них была такая власть, они пожелали бы, чтобы и земля была золотая, и стены золотые, а пожалуй, чтобы небо и воздух были из золота. Какое сумасшествие! Какое беззаконие! Какая горячка! Другой, созданный по образу Божию, гибнет от холода, а ты заводиишь такие прихоти! О гордость! Может ли безумный сделать больше этого?» [XI:417];

«душа богатого исполнена всех зол: гордости, тщеславия, бесчисленных пожеланий, гнева, ярости, корыстолюбия, неправды и тому подобного» [IX:132];

Что это — описка, небрежность или неудачное выражение? Ведь в принципе вроде бы Климент совершенно прав — не могут бесчувственные вещи быть причиной духовной гибели человека. Зачастую Злато-

ХРАМ

уст сам себя осаживает и поправляется:

«О деньги, или лучше, о, безумная страсть к деньгам! Она низвращает и ниспровергает все; для денег многим все кажется басней и пустяками» [X:158].

Однако примеры, когда Златоуст именно богатство считает губительным, можно приводить ещё и ещё. Их слишком много, чтобы все это считать просто ошибкой или метафорой. Это-то и ставит в тупик добросовестных богословов. Так, Э. Пюш, авторитетный французский профессор богословия, автор интересной книги «Златоуст и его время» [11], пишет: «Св. Златоуст много раз выразительно говорит, что он осуждает не богатство, но только дурное его употребление. На деле, однако, он заходил гораздо дальше и часто осуждал его, по-видимому, само по себе» [11:58]. Ныне причисленный к сонму священномучеников профессор МДА И.В. Попов, автор пожалуй лучшей работы о великом святителе «Св. Иоанн Златоуст и его враги» [12], го-

ворит о том же: «Теперь поставим вопрос, отрицал ли Златоуст богатство. Ясно, что на этот вопрос можно ответить и да и нет» [12:820]. Но убедительного объяснения этой аномалии ученые не находят. Н.П. Кудрявцев, профессор МДА, по поводу этой проблемы замечает: «Некоторая кажущаяся противоречивость во взглядах Златоуста на один и тот же предмет, по нашему мнению, обуславливается неточностью его терминологии» [13:793].

Нет, здесь проблема куда серьезней. Тут мы сталкиваемся со случаем, когда в виде непоследовательности Златоуст зашифровал одну из глубинных основ христианского имущественного учения.

Впрочем, достойно удивления, что исследователи не замечают того, что сам Златоуст дает объяснение этой мнимой непоследовательности. Он указывает на поразительный закон о губительной зависимости между любостыжанием и богатством, который можно назвать «петлёй Златоуста».

«Петля Златоуста»

Вот ряд высказываний Златоуста, который можно продолжать и продолжать:

«Я никогда не перестану повторять, что приращение бо-

гатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего, возбуждая в них беспрестанно новые пожелания... Смотри вот,

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

какую силу и здесь показала эта страсть. Того, кто с радостью и усердием подошел к Иисусу, так помрачила она и такотяготила, что когда Христос повелел ему раздать имение свое, он не мог даже дать Ему никакого ответа, но отошел от Него молча, с поникшим лицом и с печалью» [VII:645].

«Итак, кто презирает богатство, тот только подавляет в себе страсть к нему; напротив, кто желает обогатиться и умножить свое имение, тот еще более воспламеняет ее, и никогда не в силах подавить» [VII:647].

«Летать, скажешь, невозможно. Но еще более невозможно положить предел страсти любостяжания; легче для людей летать, нежели умножением богатства прекратить страсть к нему» [VII:648].

«Разве вы не знаете, что чем больше кто имеет, тем большего желает?» [XII:26],

«ничто так не возбуждает страсти к богатству, как обладание им» [XI:870].

Итак, чем больше человек имеет, тем более в нём воспламеняется страсть любостяжания, которая заставляет человека иметь ещё больше. Этот эффект под названием «положительная обратная связь» хорошо известен в тех-

нике: такая система, как говорят инженеры, «идёт вразнос», и её разрушение неминуемо. Увы, то же самое происходит в системе «любостяжание-богатство», когда страсть любостяжания разрастается до губительных пределов. И великий моралист, прекрасно понимавший механизмы греха, эту связь разглядел и красочно описал. Причём св. Иоанн — по видимому, первооткрыватель этого закона — до него явных упоминаний об этой закономерности мы не находим. Поэтому назвать этот эффект «петлёй Златоуста» вполне правомерно.

Климент об этой петле не упоминает. Для него любостяжание — страсть, а богатство — материальное имение, т.е. вещи разнотелностные, и следовательно, несопоставимые. Все четыре варианта сочетания этих сущностей (богатый любостяжатель, нелюбостяжательный богатый, бедный-любостяжательный, нелюбостяжательный бедный) для Климента психологически «равновероятны»: «Может равным образом и человек бедный и без средств упиваться пожеланиями, и может трезвиться и свободным быть от них человек богатый» [15:25]. Бороться, по Клименту, надо с любостяжанием, а не с богатством, причём бороться — силой воли, силой

ХРАМ

внутреннего отстранения от богатства, мысленного освобождения от его власти, но не путём реального отказа от него. Климент осуждает древнегреческих философов Кратета и Анаксагора за отказ от своих имений, считая, что тем самым они «впадали в гордость» [15:18].

У Златоуста выработалась иная точка зрения. Он лучше, чем его предшественник, понял соотношение между внешним и внутренним. Конечно, любостяжание — это внутренняя губительная страсть. Но богатство, хоть оно и является внешним, вовсе не безразличный фактор: оно в свою очередь усиливает любостяжание. Златоуст объясняет это по аналогии с упившимся вином:

«Всякому известно, что богатый более желает богатства, нежели бедный, подобно тому, как человек упившийся вином чувствует сильнейшую жажду, чем тот, который пил с умеренно-

стью. Похоть не такова, чтобы могла быть погашена большим удовлетворением ее, но напротив от этого она еще более воспламеняется. Как огонь, чем больше получает пищи, тем более свирепствует, так и пристрастие к богатству, чем более получает золота, тем более усиливается» [VII:808].

Для Златоуста любостяжание и богатство так закручены в едином круговороте, что даже трудно понять, что первично, а что вторично. И если уж любостяжание нравственно неприемлемо, то и повязанному с ним богатству тоже следует дать негативную оценку, что святитель и делает.

Так великий христианский моралист раскрывает связь между вещами (богатством) и душевными страстями (любостяжанием и корыстолюбием). Златоуст даёт объяснение в виде психологического закона. Но проблема оказывается ещё глубже.

Холодное слово «моё и твоё»

Тексты Златоуста показывают, что святитель слову «богатство» придавал особый, дополнительный смысл, который и позволял давать богатству, безусловно, отрицательную оценку. Что говорит в пользу этого предположения?

Богословы давно заметили (например, [14:53]), что в святоотеческих творениях, и у Златоуста в частности, «богатство» часто используется как синоним «собственности». Но что о собственности думает Златоуст? Святитель часто характеризует ее

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

словами «моё и твоё», и об этих словах он высказывается без всякого пиетета:

«Подлинно, где мое и твое, там все виды вражды и источник ссор, а где нет этого, там безопасно обитает согласие и мир» [IV:358].

А вот как святитель характеризует эти слова, описывая жизнь Иерусалимской общины, где апостолы ввели общую собственность:

Это жестокое и производшее бесчисленные войны во вселенной выражение: мое и твое, было изгнано из той святой церкви, и они жили на земле, как ангелы на небе: ни бедные не завидовали богатым, потому что не было богатых, ни богатые презирали бедных, потому что не было бедных, но бяху им вся обща: и ни един же что от имений своих глаголашебыти» [III:257].

«Это – твое, а это мое, – такое разделение, низвращающее и смущающее все дела, изгнано отсюда, все у них общее — и трапеза, и жилище и одежда. И что удивительного в этом, когда и самая душа у всех одна и та же?» [I:99].

«Не было холодного слова: мое и твое; потому радость была на трапезе. Никто не думал, что ест свое; никто (не думал), что ест чужое, хотя это и кажется загадкою. Не счита-

ли чужим того, что принадлежало братьям, — так как то было Господне; не считали и своим, но — принадлежащим братьям» [IX:73].

А говоря о собственности супругов, святитель оказывается совсем строг:

«слово — это «мое» — проклятое и пагубное; оно привнесено от диавола» [XI:181].

Собственность – от дьявола! Почему? Суть в том, что собственность разделяет. Поэтому «мое и твое» – слово «холодное», «проклятое и пагубное», «производшее бесчисленные войны», «низвращающее и смущающее все дела».

Наконец, слова эти просто бессмысленны, ибо все на самом деле принадлежит Богу:

«Слова «мое и твое» суть только пустые слова, а на деле не то. Например, если ты назовешь своим дом, это — пустое слово, не соответствующее предмету; ибо Творцу принадлежит и воздух, и земля, и вещество, и ты сам, построивший его, и все прочее. Если же он в твоём употреблении, то и это не верно, не только по причине угрожающей смерти, но и прежде смерти по причине непостоянства вещей» [X:95].

Частная собственность убивает любовь. А потому, с точки зрения святителя, общая собственность лучше:

ХРАМ

Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратит в свою собственность, то происходят распри, как будто вследствие того, что сама природа негодует, что в то время, когда Бог отовсюду собирает нас, мы с особым усердием стараемся разъединиться между собою, отделиться друг от друга, образуя частные владения, и говорить эти холодные слова: «то твое, а это мое». Тогда возникают споры, тогда огорчения. А где нет ничего подобного, там ни споры, ни распри не возникают. Следовательно, для нас предназначено скорее общее, чем отдельное, владение вещами, и оно более согласно с самой природой» [XI:704].

Таким образом, если святитель «мое и твое» (собственность) характеризует так негативно, то тем более он вправе это сделать относительно «большой собственности», т.е. богатства. Поэтому Златоуст столь восторженно приветствует первоапостольскую общину, упразднившую «моё и твоё».

«Ныне подают бедным имеющие собственность, а тогда было не так, но отказавшись от обладания собственным богатством, положив его пред всеми и смешав с общим, даже и заметны были те, которые пре-

жде были богатыми, так что, если какая может рождаться гордость от презрения к богатству, то и она была совершенно уничтожена, так как во всем у них было равенство, и все богатства были смешаны вместе» [III:257-258].

«И хорошо сказал: благодать бе на всех, потому что благодать — в том, что никто не был беден, то есть, от великого усердия дающих никто не был в бедности. Не часть одну они давали, а другую оставляли у себя; и (отдавая) все, не считали за свое. Они изгнали из среды себя неравенство и жили в большом изобилии, притом делали это с великою честью» [IX:113].

И.В. Попов считает, что обращение Златоуста к Иерусалимской общине – его другой способ решения имущественной проблемы: «Первый рекомендуемый святителем способ разрешения имущественного вопроса — добровольный коммунизм, второй — индивидуальный, но для каждого обязательный отказ от части имущества в пользу бедных» [12:815]. Но как святитель совмещал эти «теории», учёный объяснить затрудняется. По мнению Попова, святитель «ставит их друг подле друга, не пытаясь примирить между собою» [12:814].

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

По этому поводу следует сказать следующее. Конечно, это критическое высказывание, по сути дела, является переформулировкой «несоответствия», о котором мы говорили ранее. Ведь златоустовское восхищение первохристианским коммунизмом, где все личные богатства были упразднены, одновременно означало негативное отношение к богатству. Но обвинять Златоуста в непоследовательности нет оснований. Святитель выдвигает коммунизм Иерусалимской общины в качестве реализуемого идеала; милостыню же и благотворительность он рассматривает как путь к этому идеалу. И святитель никогда не «ставит их друг подле друга, не пыта-ясь примирить между собою». Наоборот, он не раз разъяснял слушателям свою позицию:

«А что многие исполнили это учение («не пецываете, что ясте и во что облечетеся» (Матф.6,25)), мы можем доказать примером тех, которые так любомудрствуют и в наше время. Но на первый раз для нас достаточно будет, если вы научитесь не лихоимствовать, почитать добром милостыню, и узнаете, что должно уделять от своих имуществ неимущим. Если, возлюбленный, ты исполнишь это, то скоро бу-

дешь в состоянии исполнить и то» [VII:247].

«Не можешь совершенно расстаться с богатством? Уделяй часть от имени твоего. Для тебя трудно и это бремя? Разделяй со Христом имя твое. Не хочешь отдать Ему всего? Отдай по крайней мере половину, или третью часть» [VII:478].

«Когда ты научишься ограничиваться довольством, тогда, если ты захочешь подражать евангельской вдовице (Лк.21,14), поведем тебя к высшему. Ты недостойн еще любомудрия этой жены, когда заботишься о довольстве. Она была выше и этой заботы, потому что все средства своего пропитания повергла (в сокровищницу)» [X:641].

Христианское устроение, особенно в имущественной сфере, имеет много степеней, и человек в силу своей падшести не может сразу сделаться святым. Точнее, такой случай полного прозрения — редкость, и Златоуст, будучи великим пастырем, рассчитывает не на него, а на постепенное восхождение по ступеням совершенства. И в то же время святитель ясно изображает идеал: отдать все в общину и жить общим имуществом. Отсюда и формула: *«Не можешь совершенно расстаться с богатством? Уделяй часть от имени твоего».*

Богатство как маммона

Но есть ещё более явное подтверждение того, что слово «богатство» Златоуст часто понимал в особом смысле. А именно у великого святителя «богатство» часто заменяется словом «маммона». Например, комментируя знаменитые слова Христа: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф.6,24), Златоуст указывает:

«Помыслим и ужаснемся, что заставили мы сказать Христа, — сравнить богатство с Богом! Если же и представить это ужасно, то не гораздо ли ужаснее на самом деле работать богатству, и его самовластное владычество предпочитать страху Божию? (...) Итак, не мудрствуй излишне! Бог однажды навсегда сказал, что служение Богу и мамоне не может быть соединено вместе» [VII:243].

Тут следует обратить внимание на то, что в приведённом евангельском отрывке слово «богатство» отсутствует. И тем не менее Златоуст говорит о сравнении богатства с Богом, хотя тут Бог сопоставляется с мам-

моной. Поклоняться мамоне для него — всё равно, что раболепствовать богатству:

«Но ныне не таковы богатые; они, будучи несчастнее всякого пленника, платят дань мамоне, как некоему жестокому тирану» [VII:243].

«Если скажешь: что такое мамона? Любостяжание, — и ты ему поклоняешься. Не поклоняюсь, говоришь? Почему? Потому что себя не сгибаешь? Но ты гораздо более воздаешь поклонения делами и поступками, потому что такое поклонение важнее (...) Но ты не заставляешь овец? Зато — людей и души разумные, иные — голодом, другие — клеветою. Ничего нет неистовее подобной жертвы» [XI:151-152].

«Заповедь — не собирать себе сокровищ на земли, но на небеси (Мф.6,19-20), хотя немногие, однако же находятся исполняющие верно; прочие же все, как будто услышав противоположную заповедь, как будто имея повеление собирать сокровища на земле, оставили небо и прилепились ко всему земному, с безумной страстью собирают богатство и, возненавидев Бога, любят мамону» [I:139].

Маммона же для великого святителя — понятие безуслов-

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

но тёмное, прямо-таки противоположное Христу:

«...не можете, говорится, Богу работати и мамоне (Матф.6,24), — потому что мамона требует совершенно противоположного Христу. Христос говорит: подай нуждающимся, а мамона: отними у нуждающихся; Христос говорит: прощай злоумышляющим на тебя и обидящим, а мамона напротив: строй козни против людей, несколько не обижаящих тебя; Христос говорит: будь человеколюбив и кроток, а мамона напротив: будь жесток и бесчеловечен, считай ни за что слезы бедных» [VIII:270].

Итак, маммона для великого святителя — тоже название богатства, но в особом смысле. Какое же именно? Сразу ответим: Златоуст словом «маммона» выражал название некой соци-

альной реальности. Точнее, — социального строя, в котором решающая роль принадлежит деньгам и собственности. Причём, этой социальной реальности он давал, безусловно, отрицательную оценку. Именно этим главным образом объясняется его осуждение богатства как такового — святитель осуждал главный предмет вождения людей при таком строе. И именно поэтому Златоуст так приветствует жизнь в Иерусалимской общине — там ликвидировано само понятие богатства, ибо всё находится в совместном распоряжении. Указанному социальному строю святитель даёт своё наименование — маммона. Название, конечно, образное, но выражающее суть дела. Ведь поклоняться маммоне — это и значит жить по законам строя, в котором правят деньги.

Был ли Иоанн Златоуст социальным реформатором?

Итак, «моё и твоё», богатство плохо само по себе, богатство как маммона, благодатный коммунизм Иерусалимской общины — все эти понятия несут социальный смысл. Иначе говоря, святитель выходит на социальный уровень рассмотрения проблемы. И об этом вполне определённо говорят исследователи. Так, И.В. Попов пишет:

«Св. Иоанн Златоуст был проповедником евангельских начал в общественных отношениях, и в это его главная своеобразность» [12:798].

Очень интересна характеристика взглядов святителя в устах выдающегося русского философа Г.П. Федотова: «Настоящим социальным апостолом среди греческих отцов церкви был св. Иоанн

ХРАМ

Златоуст, константинопольский епископ конца IV века. Блестящий и страстный оратор, он на амвоне не щадит своей светской и даже придворной паствы. Его обличительные громы против богачей не уступают в резкости социалистам XIX века» [18:64]. Относительно частых для Златоуста призывов к милосердию он замечает: «Сознавая недостаточность этих гимнов и призывов, Иоанн подходил к самой грани, отделяющей индивидуальное милосердие от социальной реформы. Он не боялся заглядывать и по ту сторон этой грани, переступить которую не давали социальные условия его времени» [18:67]. Далее мы сможем оценить точность этой взвешенной формулировки.

Всё это позволяет поставить вопрос: был ли Иоанн Златоуст социальным мыслителем? Или — социальным реформатором? Однако, как бы ни хотелось великому святителю присвоить статус социолога, мы должны на эти вопросы ответить отрицательно. Общественный строй не являлся предметом напряженных размышлений святителя. Социальным реформатором в обычном понимании этого слова он не был. К социальным реформам он никогда не призывал.

У Златоуста есть обширный корпус текстов, где он выража-

ет свое удивление тем, насколько власть маммоны подчинила себе вселенную. Вот небольшая часть из них:

«О сребролюбие! Все свелось к деньгам, — потому и перепуталось! Ублажает ли кто кого, помнит деньги; называют ли несчастным, причина опять в них же. Вот о том только и говорят, кто богат, кто беден. В военную ли службу кто имеет намерение поступить, в брак ли кто вступить желает, за искусство ли какое хочет приняться, или другое что предпринимает, — не прежде поступает к исполнению своего намерения, пока не уверится, что это принесет ему великую прибыль» [VII:885-886].

«Сребролюбие возмутило всю вселенную; все привело в беспорядок» [VIII:270].

«В том-то и беда, что зло увеличилось до такой степени, что (добродетель нестяжания) стала, по-видимому, невозможной, — и что даже не верится, чтобы кто-нибудь ей следовал» [VIII:441].

«Этот недуг (хищение и любостяжание — Н.С.) объял всю вселенную, обладает душами всех, — и, поистине, велика сила мамоны!» [VIII:509].

«Образумимся, прошу вас; вокруг нас ежедневные войны, потопления, бесчисленные несча-

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

стья, и гнев Божий со всех сторон окружает нас. А мы остаемся так спокойными, как будто мы делаем удобное (Богу); все мы простираем руки на любостязание, и никто — на вспомоществование (ближним); все — на хищение, и никто — на помощь; каждый старается, как бы увеличить свое состояние, и никто — как бы помочь нуждающемуся; каждый всячески заботится, как бы собрать более денег, и никто — как бы спасти свою душу; все боятся одного, как бы не сделаться бедными, а как бы не попасть в геенну, о том никто не беспокоится и не трепещет» [XII:194-195].

«До каких пор будем мы любить деньги? Я не перестану вопиять против них, потому что они причиной всех зол. Когда же мы насытим эту ненасытимую страсть? Что привлекательного имеет в себе золото? Я прихожу в изумление от этого (...) Откуда вошел этот недуг во вселенную? Кто может совершенно искоренить его? Какое слово может поразить и совершенно убить этого лютого зверя? Страсть эта внедрилась в сердца даже таких людей, которые по-видимому благочестивы» [XI:560].

Это даже не увещевания, а скорее горестный стон души, пораженной жуткой картиной все-

общего пленения богатством. Как же Златоуст объясняет это мировое безумие?

«Какая же причина всего этого? Любовь к деньгам, неистовая страсть сребролюбия, эта неисцелимая болезнь, пламя неугасимое, сила, покорившая всю вселенную» [III:431].

Всё правильно, страсть сребролюбия и есть первичная причина. Но святитель не учитывает одного обстоятельства. Дело в том, что грех гнездится не только в человеческих душах. Он обитает и в общественных институтах, которые, будучи построены грешными душами, сами вобрали в себя грех, стали как бы его твердым оплотом. И этот зафиксированный в общественных институтах грех в свою очередь влияет на людей, уродует их, внедряется в их души. Именно это произошло с любостязанием — оно воплотилось в таком общественном институте как собственность. Это и позволяет ему столь тотально править миром. Святитель же этого не видит и ведёт с ним борьбу только в душах людей. Но этого оказывается недостаточно: работа по искоренению греха не может сводиться только к воздействию на индивидуальные души. Одновременно нужна работа по улучшению социальных отношений. Иначе мы будем сеять на

ХРАМ

асфальте. Кое-какие всходы будут — наиболее сильные будут пробиваться и сквозь асфальт, а другие — проникать в трещины. Но массовых всходов, делающих из асфальтовой пустыни цветущий сад, не будет. Множество душ, бесконечно ценных у Бога, погибнет.

Но и тут не всё так просто. Да, святитель, будучи прежде всего пастырем, обращается к личным душам. Но в том то и дело, что такая проповедь неожиданно выводит Златоуста на дорогу, ведущую к социальным преобразованиям. В самом деле, посмотрим, как Златоуст мыслит себе решение имущественной проблемы. Его усилия в основном направлены на то, чтобы убедить богатых добровольно отдать свою собственность, пусть даже частично. Тут Златоуст необычайно изобретателен и красноречив. Он напоминает богатым о всех хлопотах, которые они должны претерпеть сохраняя богатство, о ворах и разбойниках, о ненависти к ним остального населения, о непостоянстве богатства, о том, что обладание богатством губит душу, об адских мучениях, ждущих жестокосердных, об отвратительности страсти любостяжания. Он призывает их обратить свои взоры на муки бедняков, на свою христианскую обязанность благо-

творить, превозносит милостыню, возводя ее выше молитвы и девства. Он изображает нездоровый быт богатых, красочно рисует пошлость роскоши, иронизирует над модницами, приводит яркие примеры гибели богатых, как физической, так и нравственной. Он объясняет, что вся ответственность на самом деле принадлежит одному Богу — мы же лишь распорядители, «неверные управляющие». Аргументов множество, но цель одна — убедить богатых, что без богатства им будет лучше. И вот однажды, после подобной «артподготовки», Златоуст прямо с амвона призывает всех — и богатых и бедных — последовать примеру иерусалимских христиан и объединить свои имущества в одной общине.

Это означает, что в определенном смысле социальным реформатором Златоуст всё же был... Причём реформатором куда более радикальным, чем прочие. Он мечтал, что любовь изменит души людей настолько, что они сами, без принуждения и катаклизмов (насилие святитель полностью отрицал), изменят социальные устои. Ведь удалось же подобное иерусалимским христианам. Так почему же не нам?

Не удивительно, что некоторые историки идеями Златоу-

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

ста просто поражены. Например, профессор теологии, исследователь древней коммунистической мысли Роберт Пельман, утверждает, что христианский социальный «идеал в своей сокровенной сущности был революционным. Он был революционным уже в том смысле, как его понимал Златоуст, так как епископ хотел *в основании* преобразовать индивидуалистическо-капиталистическую систему хозяйства» [16:24]. Он характеризует эти воззрения как «социалистическую утопию» [16:24] и «рай социализма» [16:22]. Видный историк Византии Дж. Б. Бури продолжает мысль Пельмана: «если бы она (теория Златоуста. — Н.С.) получила распространение, она должна была неизбежно привести к политической революции и низвержению империи» (цит. по [17:100]). Э. Пюш пишет: «результатом проповеди св. Златоуста, при полном следовании его принципам, было бы не что иное, как осуществление в самых городах монашеской жизни, — не чисто аскетической и созерцательной жизни анахоретов, но общежития, подчинённого закону труда, за исключением только одного требования — безбрачия» [11:86]. Заметим, что в одной из гомилий Златоуст говорит о «городе бедных» [XII:559], в котором

бедные, трудясь, прекрасно живут без богатых, упоминает по поводу Иерусалимской общины, что *«так живут теперь в монастырях»* [IX:114].

Но призыв святителя отклика не нашёл. И думается, что кроме элементарной жадности, людей остановило одно важное обстоятельство: страх быть выброшенным из общества. И действительно, слушатель Златоуста, даже благочестивый, рассуждал бы так. «Пусть Златоуст трижды прав — отдать хорошо и спасительно. Но сможет ли община просуществовать? Ведь все остальное общество ожесточится против неё. Большой мир не смирится с тем, что маленькая горсточка людей попирает его законы. Разорят мигом, и все пойдёт прахом. А у меня жена, дети... Да и всё равно денежные расчёты неизбежны — ведь с большим миром нужно будет торговать. Первые христиане уже были социальными изгоями благодаря новой вере. Но быть изгоем в христианском государстве — это уже слишком. Вот если бы все отдали все и принесли к ногам епископа Иоанна, тогда и я, конечно, тоже. А одному — нет уж, увольте». О поступке объединения имуществ Златоуст говорит: *«теперь люди боятся этого больше, чем броситься в неизмеримое и беспредельное*

ХРАМ

море» [IX:114]. И в этом повинно не только любостяжание, но и тирания общества, не допускающая этого своими законами, своими институтами, своим общественным мнением. Конечно, для самого Златоуста броситься в море не составляло труда — юношей он ушел из мира и несколько лет подвизался в горах в аскетических подвигах, а будучи диаконом, он раздал всё свое имущество. Но что органично для сильных, оказывается чрезмерным для слабых.

Мы видим, что сама логика предмета толкает Златоуста на осмысление социальных проблем, и, подчиняясь ей, святитель так или иначе начинает мыслить социальными образами. Но

в то же время нетрудно заметить, что ему не хватает адекватных понятий, описывающих общество и общественный грех. «Моё и твоё», богатство, маммона — всё это взято из лексикона личной нравственности, и святитель пытается применить эти понятия к описанию общественного строя, рискуя быть непонятым. А если уж быть более точным, то эти слова непроизвольно, без явного намерения со стороны святителя, начинают в его устах приобретать иную, социальную окраску. От осознанного понимания роли общественных отношений в имущественной проблеме ещё далеко.

Что же мешало святителю?

Златоуст, Платон и русская философия

В приведённой выше оценке Федотова обращает на себя внимание, что заглянуть за грань социальной реформы Златоусту мешали «условия его времени». Безусловно, это так — Златоуст не смог построить христианскую социальную теорию, поскольку тогда никакого учения об обществе и не существовало. Впрочем, это не совсем так. Были хорошо известны диалоги Платона «Государство» и «Законы», в которых античный философ развернул своё понимание идеаль-

ного общества. В связи с этим, зададимся вопросом: насколько Златоуст был знаком с этими работами Платона и как он к ним относился?

Тексты Златоуста говорят, что святитель знал по крайней мере «Государство» Платона. Великий святитель не раз упоминает о мнениях Платона, высказываемых им в этом диалоге. Но общий тон этих упоминаний — уничижительный. Вот, например его мнение о Платоне и Пифагоре:

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

«Они же, между прочим, написали нечто и относительно жизни гражданской и законов. Однако ж и они к стыду своему оказались во всем смешнее детей. Они вводили общих для всех жен; извращали саму жизнь; повреждали честность брака» [VIII:13].

Хотя он и отмечает первенство Платона среди других философов, но для святителя Платон не «христианин до Христа», а язычник, придумывавший разные «басни» и собиравший богатство. Естественно, предлагаемое Платоном гражданское устройство святителем не принимается всерьёз. Он иронизирует:

«Сказать, что такой-то и такой-то должны вступить в брак с такою-то, или стражи должны стеречь таким-то образом, это еще не может произвести большого смятения, тем более, если такие постановления остаются в книге и законодатель не много заботится о приведении их в действие» [X:37].

Но думается, что дело не в ошибках Платона. Сама постановка вопроса о том, что социальный строй влияет на нравственный уровень членов общества, и следовательно — на их спасение, святителем не вполне сознаётся. Златоуст великолепно видит личные грехи, но не видит грехов общественных. Для

него грех всегда связан с личностью, отдельным человеком. Соответственно и освобождение от греха — тоже сугубо личная проблема. Во всяком случае, по мнению святителя, так должно быть теоретически. Ибо Златоуст был убеждён, что человеку дана свобода грешить, но и свобода отринуть грех. Да, это так. Но святитель не учитывал, что на пути отрешения от греха перед личностью стоит высокий барьер в виде общественных отношений.

Впрочем, такое отстранённое отношение к социальной проблематике — общее место для всей византийской культуры. Византийцы — хитрые и практичные политики, но не социальные мыслители. Они загипнотизированы идеей христианской империи, в которой государственная власть и церковь соединены «симфонией». Конечно, по замыслу Божию смысл симфонии состоял в христианизации социума объединёнными силами церкви и государства. Но на деле вышло иначе. Как мы видели, церковь в лице Златоуста и его последователей подходила к идее христианской социальной реформы, хотя ясного осознания важности социального строя еще достигнуто не было. Но государство было начеку. Оно чутко почувствовало угрозу своему влиянию и су-

ХРАМ

мело, ликвидировав Златоуста и разгромив его школу, оттеснить церковь от реальной социальной работы, оставив ей только сферу личных душ. Сама же социальная политика византийского государства фактически осталась языческой — даже рабство не было отменено вплоть до гибели Империи. Так эпизод низложения святителя превращается в решающую битву социальной истории Византии.

Златоуст был сыном своего времени и своей культуры, которая была далека от понимания общественного фактора. Но проблема влияния социума действительно стучалась в дверь, и не будь школа Златоуста разгромлена, вполне возможно, его последователи сумели бы создать христианскую социологию и осмыслить богатство и собственность как социальные категории. Но, увы, случилось совсем иное: не только социальное богословие, но и вообще нравственное богословие на-

долго оказались в загоне. Сильно поредевшие эпигоны Златоуста лишь повторяли некоторые его формулы великого, даже не пытаясь понять его нравственную систему целиком.

Но то, что не удалось сделать Златоусту, было во многом создано русскими религиозными философами XIX—XX веков: Соловьёвым, Бердяевым, Булгаковым, Федотовым, Карсавиным, Эрном, Франком, Ильиным. Их главная заслуга в том, что, сочетая философский язык с богословским, они положили начало православному социальному богословию. Много было сделано, и нам следует гордиться этим богословием, а не выискивать недочёты или даже ереси. Но их работа далеко не закончена. Лучше даже сказать, что нашими философами даны лишь первые наброски христианской социальной теории.

Общество действительно ждёт богословской разработки. Тут непочатый край работы.

Литература:

1. *Балаховская А.С.* «Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Федором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста» в историческом контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 3—42.
2. *Сомин Н.В.* Основные церковные доктрины о богатстве и собственности. История этих доктрин в православии, католичестве и протестантизме// Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института, ма-

Николай Сомин **Понять Златоуста!**

териалы 2002 г., ПСТБИ, М., 2002. С. 33—36. <http://www.chri-soc.narod.ru/paradigm1.htm>

3. *Сомин Н.В.* «Удобнее верблюду...». О евангельском эпизоде с богатым юношей. http://www.chri-soc.narod.ru/udobnee_verbludu.htm

4. *Лопухин А.П.* Св. Иоанн Златоуст как проповедник человеколюбия и милостыни // Христианское чтение, янв.—февр. 1897; С. 24—48; 242—260.

5. *Свящ. Иоанн Говядовский.* Учение Св. Иоанна Златоуста о собственности // Душеполезное чтение. 1906, Ч. III, ноябрь, с. 412-428; декабрь, с. 523-543. 1907. Ч. I. С. 101—113, 196—208, 372—388, 605—613.

6. *Зейпель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. М., 1913.

7. Богатство земное и небесное. М.: КАЗАК, 1996. 64 с.

8. *Свящ. Александр Захаров.* О богатстве и бедности. М.: Издательский центр «Глагол», 2000. 15 с.

9. *Прот. Вячеслав Тулунов.* Игольные уши или о том, как стать нестяжательным. М.: ПСТБИ, 2001. 78 с.

10. *Свящ. Геннадий Емельянов.* О труде и страсти стяжания. СПб.: «Благовещение», 2001. 31 с.

11. *ЭмеПюш.* Св. Иоанн Златоуст и нравы его времени. Пер. с фр. А.А. Измайлова. Спб., 1897.

12. *Попов И.В.* Святой Иоанна Златоуст и его враги. Богословский вестник, 1907, № 11, С. 569—607; № 12, С. 798—855.

13. *Кудрявцев Н.П.* Учение Златоуста о богатстве и его социальный идеал // Богословский вестник. 1907, декабрь, том III. С. 785—797.

14. *Экземплярский В.И.* Учение древней Церкви о собственности и милостыне. Киев, 1910. 279 с.

15. *Климент Александрийский.* Кто из богатых спасется? Православный приход Храма иконы Казанской Божией Матери в Ясенево при участии ООО «Синтагма». М., 2000. С. 64.

16. *Пельман Р.* Ранний христианский коммунизм. Казань, 1920.

17. *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 272 с.

18. *Федотов Г.П.* Социальное значение христианства // Г.П. Федотов. О святости, интеллигенции и большевизме. Избранные статьи. Спб.: Изд. СПб.ун-та, 1994. С. 51—79.